

Philippe BOURRINET

ПРИХОД ГИТЛЕРА К ВЛАСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ*

а) ГИК и ПОЛОЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ

ГИК обращала внимание почти исключительно на германское движение рабочих союзов; ее мало заботил взлет нацистов, который неопровержимо свидетельствовал о надвигавшейся контрреволюции. Для нее были важнее вопросы организации рабочих союзов, экономического кризиса и еще более теоретические - вопросы о крестьянстве и переходном периоде (см. далее). Такая слабость перед лицом столь насущной политической проблемы, как наступление контрреволюции, вытекала из недостатков в оценке текущего исторического периода. По мнению ГИК, из мирового кризиса неизбежно вырастут такие классовые движения, как «дикие» стачки, которые непосредственно приведут к революции.

Как левокоммунистическое течение, ГИК полагала, что движение нацистов является выражением «наступления монополистического капитализма против пролетариата», а его социальная основа - пролетаризируемая в результате кризиса мелкая буржуазия. Единственная пролетарская тактика в борьбе с нацистами - это усиление массовой классовой борьбы в форме массовых, стихийных и антипрофсоюзных движений. Любая попытка антифашистского альянса с левыми партиями ведет к предательству пролетарских принципов. В борьбе с нацистами германский пролетариат мог опереться только на свои собственные силы, в особенности на возрождение интернациональной классовой борьбы в главных центрах капитализма. Как и немецкие революционные группы КРС, КРПГ, группа коммунистов Советов в США и других странах, ГИК непреклонно отвергала возможность общего антифашистского фронта^[1] (1). Она не забыла, что социал-демократия и немецкая КПГ внесли свой вклад в разгром пролетариата: СДПГ - физически в 1919 г., а КПГ - в идейном отношении в 1923 г., попытавшись сотрудничать с движением нацистов на почве национализма. В конце 1932 г. КРПГ подчеркивала, что

* © Philippe Bourrinet & www.left-dis.nl

«Гитлер перенял наследие Носке, а партия Гитлера - наследие социал-демократии» (2). Что касается КПГ, то она возвела в принцип демагогию и сама «была превзойдена мастером демагогии - Гитлером» (там же). Уничтожающий итог этой политики идеологического маневра состоял в том, что «большая часть сторонников КПГ перебежала к Гитлеру» (там же).

Только в конце 1932 г. ГИК начала оценивать перспективы, которые вставали перед рабочим движением с ростом волны фашизма. Нацистское движение соответствовало попытке крупного капитала установить «абсолютную диктатуру имущих классов», опираясь на средние классы. Этот анализ ГИК оставался весьма банальным и демонстрировал отсутствие политической глубины; его удалось преодолеть лишь задним числом, после прихода Гитлера к власти. Что касается перспектив, то голландцы оставались оптимистами. Подчеркивая, что в экономическом плане фашизм не предлагает «никакого выхода», они полагали, что его будет сопровождать «самая ожесточенная классовая борьба».

Приход Гитлера к власти заставил, наконец, ГИК занять более ясную политическую позицию. Характерно, что Паннекук взялся за перо, чтобы придать более конкретную ориентацию политике коммунизма Советов. Он попытался проанализировать причины и следствия поражения пролетариата Германии, а также немедленных и долгосрочных перспектив для рабочих и революционеров всего мира:

- **Поражение германского пролетариата:** подобно итальянским левым коммунистам в 1933 г., Паннекук ясно показал, что окончательный триумф Гитлера был результатом социал-демократической контрреволюции, начавшейся в ноябре 1918 г. с прихода к власти Эберта и Шейдемана. Как движение в астрономии, контрреволюция достигла своей поворотной точки. Гитлер пришел к власти не для того, чтобы помешать наступлению революции (тезис, который отстаивали сталинисты того времени)[2], а для того чтобы завершить контрреволюцию, начатую за 14 лет до этого германской социал-демократией:

«Ни в коем случае нельзя называть контрреволюцией циклическое движение (революцию) в Германии, поскольку это предполагает предшествующую революцию. Подлинная контрреволюция началась 9 ноября 1918 г. в Берлине, когда Эберт и Шейдеман приняли правительственные функции» (статья «Переворот в Германии» // РС. 1933. Apr. No.9).

Установление «общества насилия», замена парламентаризма диктаторским правлением, «подавление буржуазных свобод для определенных групп населения и самых элементарных прав человека», концентрационные лагеря для членов СДПГ и КПГ,

преследование евреев были фактами, которые свидетельствовали о том, что контрреволюция пошла по кругу.

Мировой экономический кризис позволил крупному капиталу довершить контрреволюцию. Чтобы вести свою «атаку на пролетариат», германский капитал нашел для себя вспомогательные силы в нацистском движении, кадры которого состояли из студенческой мелкой буржуазии и армейских офицеров. Экономически нацизм соответствовал попыткам германского капитала установить «определенную автаркию».

Другой фактор поражения пролетариата имел прежде всего идеологическую природу: уклонение его от борьбы на почву выборов, почву социал-демократии. Это было худшим из поражений: крушением пролетарской силы без борьбы:

«Поражение еще не так тяжело само по себе; рабочий класс нередко терпел поражения, если был вынужден неравными силами вести борьбу против более сильного капитала, и такие поражения становятся источниками будущих побед. Но здесь это было обвалом, при отсутствии всякой борьбы, потому что рабочие не делали ничего, кроме голосования за социал-демократов, и не привыкли бороться по-революционному». (Там же).

Политические выводы Паннекука были точными: от Эберта до Гитлера развернулась «социал-демократическая катастрофа». Социал-демократия не могла уже считаться частью рабочего движения. Однако Паннекук, как и ГИК, не решался назвать социал-демократию одной из политических фракций буржуазии. Такая нерешительность, несомненно, лежит в основе будущего различия между «старым» и «новым» рабочим движением:

«Социал-демократия - это старая, мертвая ветка на стволе рабочего движения, и из-под нее, еще плохо различимые и до сих пор удушаемые ею, пробиваются почки новых побегов» (Там же).

Столь же тяжелая ответственность за поражение германского пролетариата лежала на КПГ. Характерно, что Паннекук упоминал в качестве причин краха КПГ в 1933 г. почти исключительно применение профсоюзной и парламентской тактики, подчинение российскому государственному капитализму. Обличая «партийный фанатизм» КПГ, Паннекук игнорировал ее политику конца 1920-х гг., хотя та играла решающую роль: теории «социал-фашизма» и «немецкого национального освобождения», практику единого фронта с нацистами в ходе стачек. Не углубляясь в действительные причины поражения, он

констатировал, что коммунисты, брошенные в концлагеря, стали «жертвами ложной политики КПГ, которая вела лишь к бессилию германского рабочего класса» (Там же).

- **Автономия пролетариата:** лекарством против поражения ни в коем случае не может быть лозунг экономического бойкота Германии, выдвинутый голландскими анархо-синдикалистами[3]. С таким лозунгом рабочие могут лишь усугубить поражение, усилив национализм; последним достижением на этом пути станет новое 4 августа 1914 г. и новая война «под прикрытием красивых гуманитарных намерений»:

«Единственный результат может быть только следующим: в Германии усиливается национализм, и борьба за коммунистическое просвещение наталкивается на преграды. Мы добьемся таким образом нового 1914 года, когда рабочие во всех воюющих странах смиряются с воинственными и империалистическими замыслами их собственной буржуазии и примкнут к ней» (Там же).

Единственный пролетарский путь борьбы против нацизма - это прежде всего борьба германского и международного пролетариата на его классовый почве:

«Борьба против национал-социализма - это борьба против германского крупного капитала. Эту борьбу может вести только германский рабочий класс. Гитлер может быть побежден только германскими рабочими... Разве рабочие других стран, Западной Европы или же Америки, не могут ничего сделать, чтобы помочь своим товарищам в Германии, терпящим тяжкие испытания и угнетенным? Конечно, могут. В первую очередь, ясно и стойко ведя борьбу против своей собственной буржуазии. Каждый пример стойкой рабочей борьбы в той или иной стране оказывает стимулирующее и просвещающее воздействие на рабочих других стран» (Там же).

- **Перспективы рабочего движения:** Паннекук и ГИК смотрели на будущее революционного движения в Германии с определенным оптимизмом. Они сочли, что «духовная» сила старого рабочего движения «уничтожена», недооценивая его идеологические корни, сохранившиеся даже в подполье. По их мнению, должны были вырасти «молодые силы», которым предстояло обнаружить источник своего просвещения в литературе Коммунистического рабочего союза, КРПГ и «Красных борцов». Паннекук двусмысленно заявлял, что коммунизм «должен быть построен на совершенно новых основах» (Там же). Это означало, что в истории рабочего движения между его левыми фракциями больше нет никакой преемственности. Все должно в каком-то смысле начинаться с нуля. Такой метод, совершенно отличный от метода современных ему итальянских левых коммунистов,

предвосхищал теорию «нового рабочего движения», которая стала фатальной для коммунизма Советов.

б) ГОЛЛАНДСКИЙ КОММУНИЗМ СОВЕТОВ И ВАН ДЕР ЛЮББЕ

В еще большей степени, чем приход Гитлера к власти, в центре дискуссий среди голландских коммунистов Советов оказался поджог Рейхстага. Их глубоко расколол вопрос о «действиях-примерах» и индивидуальном насилии против символов буржуазного строя.

Маринус Ван дер Люббе, молодой рабочий из Лейдена, до 1931 г. состоял в голландской компартии. Став противником парламентаризма, он вышел из нее. Активный участник движения безработных и всех рабочих стачек, которые происходили в различных городах, Ван дер Люббе был пролетарием, целиком преданным рабочему делу и революции. Получив пенсию после несчастного случая на производстве, в будущем грозившего ему слепотой, он полностью посвятил себя активной политической деятельности. Он немедленно установил контакты с ЛРО в Сирахе и примкнул к ее пропагандистской работе. Маринус Ван дер Люббе поддерживал контакты с лейденской ГИК, но в чисто личном порядке: он никогда не состоял членом ГИК, хотя и симпатизировал ее позициям[4]

После ряда поездок в Германию и по Европе Ван дер Люббе в феврале 1933 г. принял решение отправиться в Берлин, вскоре после назначения Гитлера рейхсканцлером. С немецкими коммунистами Советов он, кажется, контактов не имел. Его решение поджечь Рейхстаг было, вероятно, личным актом[5], мотивированным как наивной верой в то, что это «действие-пример» сможет... «разбудить» германский пролетариат, так и личным отчаянием (Ван дер Люббе был обречен на скорую слепоту). Но это личное отчаяние стало выражением политического отчаяния, которое нарастало в глубинных слоях современного пролетариата.

Мы знаем, что ждало Ван дер Люббе. Преданный национал-социалистическому «правосудию», он был приговорен к смерти и казнен 10 января 1934 г., став одной из первых жертв нацистского террора - буржуазного террора, обрушенного как Эбертом, так и Гитлером на рабочих. Но еще страшнее для Ван дер Люббе оказалось то, что он был втоптан в грязь сталинизмом, который обвинил его в служении нацизму и развернул против него широкую кампанию клеветы[6]. Его палачами стали как нацисты, так и сталинисты, не замедлившие потребовать его головы. Разве Димитров, оправданный и ставший затем одним из главных вождей сталинизированного Коминтерна, не потребовал перед

трибуналом осуждения Ван дер Люббе: «Я требую, следовательно, чтобы Ван дер Люббе был осужден как действовавший против пролетариата»? (цит. по: «Юманите» (*L'Humanité*), 17 декабря 1933 г.).

В Нидерландах компартия, чьим активистом был прежде Ван дер Люббе, развернула такую же кампанию клеветы. Она взяла на себя роль пропагандиста лжи, содержащейся в «Коричневой книге», изданной трест Мюнценберга с согласия «демократов», включая одного британского лорда. Мюнценберг был крупным финансовым боссом Коминтерна. Чтобы защитить Ван дер Люббе, коммунисты Советов опубликовали текст, в котором пункт за пунктом опровергались выдвинутые против него обвинения, причем с опорой на многочисленные свидетельства. Был образован Комитет защиты Ван дер Люббе с участием бывшего члена Коммунистической рабочей партии Нидерландов Ло Лопесом-Кардозо, членом ГИК, психиатром Льюве Хорнстрой и пролетарским писателем Морицем Деккером. Этот комитет развернул работу во многих странах, включая Францию[7]. Речь шла об объединении отдельных личностей и групп, мало чем отличавшихся от анархизма; анархисты также сотрудничали с комитетом[8].

Однако создание комитета не смогло помешать тому, что среди голландских коммунистов Советов разгорелись дискуссии о значении «индивидуальных актов» и терроризма вообще. На одной стороне оказались те, кто расценивал их как «пролетарские действия», на другой - те, кто в принципе отвергал любое террористическое действие.

Первая тенденция, поддержанная немецкими коммунистами Советов[9], проистекала отчасти из желания «не выть по-волчьи вместе с волками», отчасти из политической путаницы. Она не хотела видеть в действии Ван дер Люббе акт отчаяния, считая его пролетарским методом, который в иных обстоятельствах мог бы «пробудить» германский пролетариат и поднять его на борьбу[10]. Типичной в этом отношении была реакция таких групп, как ЛРО и «Коммунист Советов».

Орган ЛРО «Спартакюс», прославляя Ван дер Люббе, «бесстрашного борца, готового пожертвовать собой ради коммунизма»[11], занял промежуточную и противоречивую позицию по отношению к актам индивидуального террора. С одной стороны, ЛРО заявляло: «Мы не пропагандируем индивидуальный террор как метод борьбы рабочего класса...». С другой, оно косвенно поддерживало его: «...это не означает, что мы безоглядно отвергаем любой индивидуальный акт...»[12]. Наконец, ЛРО отстаивало мнение, что акт индивидуального террора может вовлечь в действие массы: «Жест Ван дер Люббе мог

стать сигналом для всеобщего рабочего сопротивления через головы бонз социалистической и коммунистической партий». Группа «Коммунист Советов» стояла на практически той же самой позиции. Она отрицала, что действие Ван дер Люббе было индивидуальным актом отчаяния, соответствующим глубокой растерянности пролетариата: «Таким образом, этот поступок не может рассматриваться как индивидуальный акт, но скорее как искра, которая в такой напряженной ситуации могла вызвать взрыв»[13]. Таким образом, эти группы отрицали исторически очевидный факт: террористическое действие, индивидуальное или нет, может быть использовано господствующим классом для усиления подавления и репрессий против пролетариата. Их позиция была, в конечном счете, близка к той, которой придерживались русские эсеры до 1917 г.

Вторая тенденция четко отвергала использование индивидуальных актов и терроризма как метода классовой борьбы. Это относилось к группе «Рабочий Совет» (выходцам из Коммунистической рабочей партии Нидерландов) и ГИК. Но мотивы были совершенно различными. Для «Рабочего Совета» речь шла скорее о критике личности Ван дер Люббе (во время Лейпцигского процесса было заявлено, что Ван дер Люббе был членом Коммунистической рабочей партии Нидерландов), чем о защите классической позиции марксистского движения о том, что «движущей силой рабочей революции никогда не был индивидуальный террор или путчизм, но ситуация кризиса самого капитализма»[14]. Но, с другой стороны, упорно настаивая на том, что никто «никогда не слышал о Ван дер Люббе» и что его акт мог иметь «контрреволюционные» последствия, группа отказывалась проявить самую элементарную солидарность с жертвой репрессий.

Такое противоречивое отношение стало предвестием позднейшей политической эволюции группы: некоторые из ее членов пришли затем к троцкизму и, наконец, вступили в компартию[15].

Отношение ГИК было гораздо менее противоречивым. Демонстрируя солидарность с Ван дер Люббе как жертвой нацизма и сталинизма, группа подчеркивала, что молодой голландский рабочий, очевидно, «в этом акте искал смерти», но никто не вправе «упрекать его в этом». Заявив со всей ясностью о своей солидарности, ГИК напомнила о позиции германских левых коммунистов 1920-х гг.:

«Задача подлинно революционной группы может состоять лишь в усилении класса путем распространения ясной концепции в том, что касается социальных отношений, вопросов организации и тактики. Не наше дело приводить массы в движение: это может стать лишь

результатом социальных отношений. Наша задача состоит лишь в том, чтобы помочь находящейся в движении массе найти верный путь»[16].

В статье, опубликованной в «ПИК», Паннекук попытался на более глубоком уровне продемонстрировать, что любой «персональный акт» в роде того, который совершил Ван дер Люббе, может лишь затемнить сознание пролетарского класса. «Персональный акт» может иметь ценность лишь для «одной части массового движения». «В этих рамках смелость наиболее отважных может проявиться в актах личного мужества, в то время как ясное сознание остальных направляет эти акты к адекватной цели, позволяя не потерять плоды этих действий». В отрыве от массового действия любое индивидуальное действие не наносит буржуазии никакого ущерба, наоборот, усиливает ее. Именно так произошло с поджогом Рейхстага:

«Буржуазия ни в коей мере не потрясена пожаром Рейхстага. Ее господство никоим образом не поколеблено. Напротив, он предоставил правительству возможность усилить террор против рабочего движения»[17].

На идеологическом уровне такая акция не стала какой-либо демонстрацией «против мерзости выборов» и буржуазной демократии. Демократические иллюзии всегда могут распространяться «иным путем», к примеру, с отменой «права на голосование» «демократическая» буржуазия выступает с мистификацией «завоевания подлинной демократии». Кроме того, в историческом плане, акты индивидуального террора никак не способствуют классовой борьбе. Они соответствуют минувшей фазе «буржуазного романтизма», революций 19 века, когда несколько лидеров надеялись увлечь за собой «пассивные массы», воспламенив «искру» социального взрыва. Напротив, пролетарская революция «не имеет ничего общего с взрывом бочонка пороха». Наконец, террористическое действие может лишь заглушить сознание рабочего класса; оно обрекает рабочих на пассивность. Она подменяет активность масс индивидуальным действием. Вот почему его воздействие является чисто негативным:

«...даже если бы такой акт затрагивал и действительно ослаблял буржуазию, единственным его последствием стало бы развитие в рабочих убеждения, будто лишь такие персональные акты отдельных индивидов могут освободить их... Это отдалило бы их от автономного действия в качестве класса»[18].

Следовательно, пролетарскому движению следует отвергнуть любую форму террористического действия, которое есть ни что иное как оживление нигилизма конца 19

века. Так ГИК и Паннекук со всей прозорливостью показали, что будущее революционного движения может стать лишь массовое действие. Такой взгляд не всегда разделялся некоторыми элементами движения рабочих Советов в Нидерландах[19]. Но ГИК сумела встретить период контрреволюции после 1933 г., имея четкую ориентацию.

После февраля 1933 г. ГИК фактически переняла руководство международным движением коммунистов Советов. Германские группы, обреченные на все более суровое подполье, доверили ГИК издание международного журнала «Пролетариер» в Амстердаме как органа всего движения. Вышел всего один номер. С начала 1934 г. и до 1937 г. ему пришел на смену теоретический журнал «Рэте-Корреспондент» (*Räte-Korrespondenz*), также на немецком языке.

В 1930-х гг. он был одним из совсем немногих органов (помимо «Билан» Итальянской левой и «Интернэшнл каунсил корреспондентс» в США), которые пытались подвести итоги долгой ночи контрреволюции, обрушившейся на все рабочее и революционное движение после 1933 г.

[1] Вот что писала KAZ (*Kommunistische Arbeiter Zeitung*) в 1932 г.: «Единый фронт со «всеми и каждым» похожим заставляет забыть всех и каждого о действиях СДПГ с 1914 г.; он заставляет также забыть о реках рабочей крови - не меньших, чем на совести у коричневой чумы - пролитых СДПГ на службе капитала... Фашизм не противостоит буржуазной демократии, напротив, он служит ее продолжением другими средствами. Любая партия, которая проводит политику буржуазии - даже если в ее рядах состоят группы рабочих - это сообщник фашизма и в то же время одна из его фракций. Единый фронт с этими людьми, только потому что они претендуют на роль защитника «интересов рабочих», есть отказ от социализма и подталкивание рабочих в объятия фашизма» (*Einheitsfront und Einheitsfronttaktik // KAZ. 1932. Juli. № 7*). Хотя орган КРС «Кампфруф» занимал ту же позицию, что и КРПГ, некоторые местные секции КРС поддались попыткам создания единого антифашистского фронта. Так, в 1932 г. секция в Лейпциге вместе с СРП вошла в антифашистский фронт. То же самое сделала секция в Пирне (Саксония) с СДПГ и КПГ (*KAZ. 1932. Juli. № 7*).

[2] Так, Компартия Германии в 1930 г., продолжая «анализ» Коминтерна, заявляла: «Прогресс фашизма отнюдь не служит признаком отступления пролетарского движения, но совсем наоборот - революционного подъема, необходимым образом сопровождающего созревание революционной ситуации» (*Rote Fahne. 1930. 15. Juni*). Таким образом, нацизм рассматривался как последний необходимый этап революции. Известно, какой результат имела эта «теория» в германской ситуации...

КРПГ еще до ГИК в 1928 г. отмечала реальное значение фашизма: «Было бы nonsensом определять фашизм как средство обороны (капитала) от все более настойчивой угрозы действия пролетарских масс. Он скорее следствие слабости пролетариата, который поднял восстание по причине экономического давления, выросшего из послевоенной ситуации. Его роль состоит в том, чтобы ускорить перестройку капитализма» (KAZ. 1928. No. 48). Как и итальянские левые, немецкие левые указывали на взаимопроникновение фашизма и демократии: «Демократия фашизируется, преспокойно соединяется с диктаторами; а диктатуры прикрываются демократической одеждой» (KAZ. 1931. 14. Februar. No. 7).

[3] Эта кампания бойкота на международном уровне была инициирована «левыми социалистами» и анархистскими группами. Она сопровождалась созданием «антифашистских комитетов».

[4] Ван дер Люббе имел личные контакты с Питом ван Альбадой, студентом медицины, и с братьями Де Винк. По утверждению одного из бывших членов ГИК, Ван дер Люббе «не имел никакого контакта с ГИК. Лично с такими людьми, как, например, Изаак Де Винк - наверняка, но не в организационном отношении».

[5] Попытки представить Ван дер Люббе «нацистским агентом» были разобраны в «Красной книге», опубликованной в 1933 г. под редакцией бывшего члена Коммунистической рабочей партии Нидерландов Лопеса-Кардозо (Lopes-Cardoso). См.: Roodboek. Van der Lubbe en Rijksdagbrand. Publikatie van het Internationaal Van der Lubbe Comité.

[6] Голландская компартия обвинила его в том, что он состоял на службе у голландской полиции, сталинисты всех стран - в симпатиях к штурмовикам: утверждалось, что он был «мальчиком для забав» у банды Рема.

[7] Во Франции в этот комитет входил Андре Придоммо, написавший ряд брошюр, включая «Маринус Ван дер Люббе: пролетарий или провокатор?» (1933).

[8] ГИК отказалась присоединиться к комитету, но некоторые из ее членов сделали это в индивидуальном порядке, как, например, Л. Хорнстра.

[9] Коммунистический рабочий союз, очевидно, придерживался этой позиции. Позиция Коммунистической рабочей партии Германии неизвестна.

[10] Член немецкой «группы рабочих-коммунистов» в парижском изгнании Леманн писал в 19-м номере «Revue anarchiste» в марте 1934 г.: «Только смелый акт, повторенный и продолженный другими, подобными ему, мог бы спасти ситуацию. И вот (Ван дер Люббе) поджог Рейхстаг как факел нового

социального строя... Но для шефов КПГ и СДПГ акт Ван дер Люббе стал извинением их собственной недостойности и банкротства их политики. Вот почему они так упрямо отказываются признать поступок Ван дер Люббе революционным актом». Позиция итальянских левых коммунистов была похожей и столь же противоречивой: «Коммунисты никогда не принимали участия в этих единодушных концертах осуждения покушений и при каждом случае разбивали хор лицемерных оплакиваний и робких извинений, в определенных обстоятельствах не провозглашать свою принципиальную оппозицию в отношении террористических актов. Ведь это означало бы подыграть врагу, который использовал эти события, чтобы вытравить из сознания рабочего класса идею необходимости насилия». Но итальянские левые не высказывались и однозначно в поддержку персонального акта Ван дер Люббе: коммунисты «не обязаны высказываться за или против: они обязаны объяснять, что перед лицом бойни против пролетариата, учиненной социал-демократами или фашистами, жест одного из пролетариев против Рейхстага имел лишь значение кирпича, не могущего преградить путь потокам моря рабочей крови...» (статья «Ван дер Люббе: фашисты казнят, социалисты и центристы аплодируют» в 3-м номере «Билан» за январь 1934 г.).

[11] В 19-м номере «Спартакюс» от 9 марта 1933 г.

[12] Там же.

[13] Там же, статья «Пожар в Рейхстаге. Мнение интернациональных коммунистов и членов КРП».

[14] Статья в «Де Арбейдсраад» за 2 октября 1933 г.

[15] Так было с Корпером. Фриц Киф (1908-1976) (Fritz Kief), электротехник немецкого происхождения, женатый на Розе Корпер, писал в анархистском еженедельнике «Де Арбейдер». В годы войны он участвовал в Сопротивлении.

[16] Листовка ГИК опубликована в 19-м номере «Спартакюс» (*Spartacus*) за 9 марта 1933 г.

[17] Статья Паннекука в 7-м номере «ПИК» за март 1933 г.

[18] Там же.

[19] Такие личности, как Фриц Киф, в 1930-х гг. участвовали в индивидуальных акциях «экспроприации» и подверглись в этой связи аресту. См. книгу «Красный Роттердам в 30-х годах» (Роттердам, 1984, с.197-198).